

ОБРАЗЫ ШАНЬЮЕВ СЮННУ (ПО МАТЕРИАЛАМ «СЮННУ ЛЕ ЧЖУАНЬ» СЫМА ЦЯНЯ И БАНЬ ГУ) И КОНФУЦИАНСКИЙ ИДЕАЛ ПРАВЛЕНИЯ: ПРИМЕРЫ КОРРЕЛЯЦИИ

Тема «Китай / варвары» изучается в синологии довольно широко и давно. Среди многочисленных исследователей можно назвать Л.И. Думана, С.Н. Гончарова, Ю. Л. Кроля, М.В. Крюкова, А.С. Мартынова и др. Имея в виду работы вышеназванных исследователей можно условно разбить данную тему на две части: вопросы внешнеполитической теории традиционного Китая в рамках его отношений с соседними народами и вопросы рефлексии облика не китайских народов в представлениях официальной и неофициальной китайской культуры. Такое деление довольно условно, так как с самых ранних времён своей истории (период Шан-Инь) китайские чиновники «изучали» представителей соседних племён с сугубо практической целью, однако оно, как нам кажется, позволит глубже увидеть и понять проблему. В работах вышеназванных учёных присутствовали оба аспекта, но преобладал, как правило, первый, касающийся китайской дипломатии. А.С. Мартынов и М.В. Крюков сделали значительный вклад в открытие и исследование так называемых двух традиций китайской дипломатии – «равноправной» и «мироустроительной». Л.И. Думан, в той части его научного творчества, которая была связана с темой «Китай – варвары», изучал проблему дипломатических отношений ханьского Китая и народа сюнну. Его исследования касались в первую очередь конкретно-исторических вопросов – деталей китайско-сюннских отношений, однако данный исследователь затрагивал также вопросы происхождения системы даннических отношений между Китаем и племенами. Капитальный труд, исследующий взаимоотношения царств Цзинь и Сун (XII в.), принадлежит С.Н. Гончарову и написан им как исследование вопросов, связанных с конкретной эпохой. Во всех вышеобозначенных работах преобладал именно «дипломатический аспект» тематики «Китай – варвары». Довольно интересную сторону «китайско-варварских» дипломатических отношений изучил А.С. Мартынов: его исследования затрагивают такие моменты, как природа мироустроительных действий, проводимых императорами в отношении «варваров четырёх сторон света», значение приезда послов со стороны «варваров» и др. Исследования А.С. Мартынова стоят немного особняком в числе работ по традиционной китайской дипломатии, так касаются её в ярко выраженном культурологическом ключе.

В плане нашего исследования нас более интересуют работы, касающиеся другого, «рефлексионного аспекта» темы. Здесь мы обратимся к выводам, сделанным Ю.Л. Кролем. О них стоит рассказать подробно. Согласно концепции Ю.Л. Кроля, Оппозиция «Китай – варвары», по мнению исследователя, часто соотносилась с позицией Инь-Ян. Естественно, «варвары» относились к инь – «тёмному» началу. На основании этого им придавались следующие качества: воинственность, низость, алчность и т.п. (впрочем, позиция «инь» иногда

относилась авторами только к северо-западным «варварам»¹. «Записи о нормах поведения», более того, дают «классификацию соседних племён по четырём сторонам света, указывая на «различие их пристрастий и желаний»². Племена соседей, по мнению китайских авторов, были не одинаковы по своей природе. Однако ещё более резко подчёркивались их отличия от «жителей Поднебесной». В традиционных представлениях китайцев в целом доминировали представления о принципиальной неравноценности их самих и народов-соседей. В ханьском Китае (как и многие столетия спустя) было распространено представление, будто каждому типу местности (принимая в расчет разные признаки, начиная от рельефа и кончая растительным покровом) свойственны особые «дыхания», «эфир» (*ци*). Так обозначался комплекс местных природно-климатических условий. Считалось, что «дыхания» влияют на психо-физические особенности, этические характеристики, здоровье и длительность жизни людей данной местности. При этом предполагалось, что каждая местность рождает людей в соответствии со своими свойствами, а эти люди имитируют соответствующие «дыхания»: они «того же рода», что и эта местность³. Соответственно Китай обозначался как земля гармонии (поскольку он был пригоден для земледелия), а земля «варваров» – «земля, с которой не прокормиться [земледелием]». Данные представления переносились на различия в моральном облике ханьцев и «варваров». «Варвары» в сочинениях некоторых китайских мыслителей лишались таких качеств как «человеколюбие», «справедливость». Соответственно описывались они в китайских источниках в следующих выражениях: как «повернувшие спиной к нормам поведения и взбунтовавшиеся против них», «наносящие губительный вред», «строптивые и супротивные», «не следующие законам», «ведущие себя как птицы и звери» и др.⁴ Таковы выводы Ю. Л. Кроля, касающиеся рефлексии образа соседних народов в рамках *официальной китайской культуры*.

Выводы такого характера относительно образа «варвара» на данный момент в целом преобладают в синологии. В то же время не все древнекитайские авторы философских трактатов разделяли мнение о варварах, как о «неспособных иметь высокие моральные качества». В частности к противникам данного мнения относились автор «Хуайнаныцзы» и Ван Чун⁵. К тому же в политической практике Китая для представителей иноземных племён были возможности инкорпорирования в китайскую культурную среду. К примеру, легитимными правителями Китая становились представители инородческих, не ханьских династий⁶. Что касается образа «варваров» в исторических сочинениях, то стоит обратить внимание на цитату, найденную С.Г. Кляшторным у китайского наблюдателя VII в. до н.э. Согласно ей, у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим, руководствуясь ис-

¹ Крoль Ю.Л. О концепции «Китай-варвары». С. 18.

² Крoль Ю.Л. Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о вселенной // Народы Азии и Африки. 1978. N 6. С. 47.

³ Там же. С. 46.

⁴ Крoль Ю.Л. О концепции «Китай-варвары». С. 14 – 15.

⁵ Смолин Г.Я. Источниковедение древней истории Китая. Л., 1987 С. 154.

⁶ Доронин Б.Г. Три лица империи Цин (1644 – 1911) (к вопросу о трактовке истории последней китайской династии).// Источниковедение и историография стран Азии и Африки. Тезисы докладов. СПб., 2007.

кренностью и преданностью»⁷. При ближайшем рассмотрении мы установили, что данная цитата почти точно повторяет следующее место из «Лунь Юя»: Учитель говорил о четырёх достоинствах Цзычяня, какими обладает благородный муж: он вёл себя благоговейно, с почтительностью служил высшим, был благосклонен к простым людям и обходился с ними справедливо»⁸. Разумеется, сообщение китайского информатора является более ранним, чем конфуцианский памятник, однако здесь это не принципиально. Важна соотнесённость высказывания о «варварах» с нормой, которая чуть позднее стала конфуцианской. *Китайский автор искал в общественном устройстве кочевников простоты быта и нравов – того качества, которое китайское общество в то время, видимо, уже начинало утрачивать.* Поиск идеала порядка в некитайском обществе и соотнесение устоев этого общества с конфуцианской нормой говорит само за себя: «варвар» и «варварский мир» необязательно были антиподами ханьского мироустройства.

Имея в виду данные примеры отказа от противопоставления образов ханьца и «варвара» в рамках китайской культуры, в данной статье мы ставим задачу скорректировать, усложнить (но не опровергнуть!) ту картину, которая сложилась в результате исследований Ю.Л. Кроля. При проведении исследования мы опираемся на исследования метода Сыма Цяня, посредством которого он выражал своё мнение о персонажах своих «Записок историка». Данного вопроса касались многие исследователи творчества «первого историографа», в частности Ч. Гарднер – автор первого в англоязычной науке исследования по традиционному китайскому историописанию. Как указывал проф. Гарднер, мнение о герое Сыма Цянь выражал не через персональный комментарий, а посредством расставления акцентов и использования определённого стиля в записях. Данный способ выражения своей позиции Ч. Гарднер считал унаследованной от летописи Чуньцю, отредактированной Конфуцием⁹. Кроме метода оценки персонажей, проф. Гарднер делает интересный вывод относительно литературного стиля китайского историописания вообще, и Сыма Цяня в частности. По его словам, историописание включает в себе значительный и общепринятый набор слов и выражений (как в общем и любой другой жанр китайской литературы). Данная черта – единообразие выражения – основывается на единообразии предмета описания¹⁰. Здесь Гарднер имел в виду, скорее всего, присущую Сыма Цяню типологизацию объектов описания, проявившуюся в создании коллективных биографий лиц, объединённых по какому-либо признаку – «добродетельные чиновники», «мстители» и др. Соответствие объекту определённого стиля описания выражалось в применении специальных терминов, слов в рассказе о нём. К примеру существовали специальные слова, обозначающие действия «говорить», «кушать», «умереть», «приказывать», когда речь шла о представителе правящей династии¹¹. Как отмечает Ч. Гарднер объём таких специальных слов, которые установлены в его исследовании, далеко не окончательный.

⁷ Кляшторный С.Г. Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. – IV в. н.э.)// История Древнего Мира. Кн. 3. Упадок древних обществ. М., 1982. С. 171.

⁸ Лунь Юй (5;16); Лунь Юй.// Конфуций: уроки мудрости. М., 1998. С. 38.

⁹ Gardner C. S. Chinese traditional Historiography, 1938. P. 13

¹⁰ Ibid. P. 80.

¹¹ Gardner C. S. Chinese traditional Historiography, 1938. P. 84 – 85.

Нужно добавить, что к подобным же выводам о существовании «специальных слов» пришёл Н.Я. Бичурин, установивший термины смерти, применяемые к представителям различных уровней китайского общества: от императора до преступника¹².

Литературный стиль Сыма Цяня и способы введения оценок в текст «Записок историка» широко изучался также Д. Туичеттом. В своём исследовании он расширяет и конкретизирует предложенный Ч. Гарднером тезис о существовании общепринятого набора выражений, использовавшегося в исторических сочинениях. Д. Туичетт помимо формульных оборотов включает в данный набор приёмов введение в повествование определённых эпизодов, необходимых для создания характера персонажа или соотнесения его с каким-либо типичным образом; использование прямых речей; описание поступков, прошедших строгий отбор опять же с целью связать образ персонажа с типом¹³. Также Д. Туичетт указывает на то, что через данные приёмы автор исторического труда (Сыма Цянь или его последователи) может стремиться связать объект описания не только с определённым типом, но и с другим персонажем истории Китая. Такая связь, по мнению Туичетта, подчёркивает создаваемый образ¹⁴.

Российский китаевед Ю.Л. Кроль добавил к исследованию Д. Туичетта вывод о существовании системы речей как приёма описания. Если историк согласен с самооценкой героя или с оценкой его третьими лицами, то «чужая речь», выражающая её, является, по сути дела, авторской. **Композиционно это отмечается помещением данной речи в конец описания**¹⁵. Однако часто Сыма Цянь вводит в текст «чужую речь», не совпадающую с его позицией. В этом проявляется характерный для автора «Исторических записок» приём контраста. В данной ситуации он применяется либо для того, чтобы показать «истинный облик» героя, оцениваемый с авторских позиций либо, в случае несогласия с мнением третьих лиц, объектом авторской оценки становятся уже они. О своей позиции в данном случае автор, как правило, заявляет в эпилоге биографии, специально выделяя при этом своё авторство¹⁶.

Таким образом, метод выражения позиции историка исследован в отечественном китаеведении достаточно широко. В нашем исследовании мы будем применять данные теоретические выводы к исследованию «Повествований о сюнну» – глав о народе сюнну в исторических трудах ханьских историков Сыма Цяня и Бань Гу. Начнём с оценок, высказанных ими в данных главах. Обратим внимание на такую цитату из «Записок историка»: «...все чиновники и знатные люди сюнну называли шаньюя Маодуня мудрым». Такая оценка была связана с успехами Маодуня в укреплении государства сюнну и была вложена Сыма Цянем в уста приближённых шаньюя. Мы не знаем, точно ли такую оценку высказывали чиновники сюнну, однако можно утверждать, что их мнение было дано в литературной обработке. Обратим внимание на контексты в

¹² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. – Л., 1953. С. 13 – 14.

¹³ Twitchett D.C. Chinese biographical writing // *Historians of China and Japan*, London, 1962. P. 107 – 109.

¹⁴ Ibid. P. 108

¹⁵ Кроль Ю.Л. Литературная теория и литературная практика Сыма Цяня («Ши цзи» и представления школя Гуньян о воле)// *История и культура Китая*. М., 1974. С. 211.

¹⁶ Там же. С. 212.

которых употребляется данное понятие «мудрый» (*сянь*), дабы показать, что данное понятие является частью историографического этикета описания мудрого сановника или в принципе человека достойного править. К примеру, именно в таком контексте оно употребляется в «Биографии Пинюань-цзюня», 76 главе «Записок историка»: «Среди всех сыновей [чжаосского вана] он был самым лучшим (*сянь*)». Здесь понятие *сянь* обозначает наиболее достойного правителя. В той же «Биографии Пинюань-цзюня» данный термин применяется к человеку, способному быть сановником: «...когда есть мудрый (*сянь*), который живёт в мире, это подобно иголке, которая находится в мешке: нельзя её не заметить». Здесь говорится не просто о добродетельном чиновнике, а скорее даже о типе людей, которых необходимо выдвигать на власть. Тип человека термин *сянь* обозначает и в «Биографии вэйского принца» (77 глава «Записок историка»): «Вэйский принц У-цзи... к мудрому или глупцу относился одинаково уважительно». В «Биографии Линь Сян-жу» (81 глава «Записок историка») по отношению к нему применено выражение «мудрый сановник» (*сянь дафу*), причём в данном случае оценка была высказана по поводу удачной дипломатической миссии Сян-жу, результатом которой было спасение доброго имени царства Чжао. Также выражение *сянь* встречается в «Мэн-цзы» и других конфуцианских памятниках. Понятие *сянь* («мудрый») применяется в связи с различными ситуациями и в различных контекстах, однако если речь идёт о государственном деятеле или правителе, то такая оценка обозначает лучшие его качества и способности. На основании этого мы делаем вывод, что данная оценка является важной составляющей этикета описания достойного ханьского чиновника или правителя. Как же, имея в виду такие смысловые оттенки понятия *сянь*, интерпретировать высказывание о шаньюе Маодуне в «Записках историка»? Разумеется, речь не может идти ни о каком прямом уподоблении Маодуня конкретному сановнику Китая: подобный вывод был бы малообоснованным. Однако на наш взгляд является очевидным, что для Сыма Цяня достойным правителем мог оказаться как ханец, так и представитель «варваров». Иными словами, представление о «неправедности» правителей некитайских территорий не были для Сыма Цяня абсолютно истинными.

Определение *сянь* встречается не только у Сыма Цяня. Также его использовал Бань Гу при характеристике другого представителя династии потомков Маодуня – младшего брата шаньюя Цзюйди-хоу. О нём говорится буквально следующее: «Он был мудр (*сянь*), поэтому сердца народа устремлялись к нему...»¹⁷ Примечательно, что здесь понятие *сянь* применяется к человеку, прославившему себя значительно меньше, чем Маодунь, по крайней мере, о нём Бань Гу не приводит практически никаких сведений.

Нельзя также не отметить, что оценка в адрес лидера сюнну совпадает с оценкой, высказанной в адрес сына императора Юя Ци. Для сравнения о Ци в «Записках историка» Сыма Цяня говорится следующее: «Сын Юя Ци был мудр, и к нему устремились помыслы Поднебесной». Общее совпадение цитат налицо. На основании этого мы считаем, что данный левый старший дувэй сравнивался с таким правителем, как сын Юя, по достоинству управлять госу-

¹⁷ Бань Гу. История Ранней Хань. URL:<http://www.wikipedia.org>

дарством. Если учесть, что труд Сыма Цяня был хорошо известен Бань Гу, можно предположить, что совпадение цитат было не случайным.

Итак, понятие *сянь* является частью литературного этикета описания добродетельных правителей и чиновников Китая. Этикетность данного понятия была установлена на основании постоянства его применения в соответствующих контекстах, приведённых выше. Тот факт, что подобная оценка была высказана Сыма Цянем и Бань Гу в адрес правителей некитайского, «варварского» государства, свидетельствует о неабсолютности мнения о «варварских» правителях как недостойных.

Помимо оценочных суждений следует сказать также о наборе сюжетов, встречающихся в «Повествованиях о сюнну». В данных главах преобладает описание военных событий, то есть столкновений сюнну с войсками Срединной империи. Во многом рассказы о таких стычках довольно кратки: указывается время набега сюнну или похода ханьских войск и итог события (потери той или другой стороны). Имея в виду представления о природной воинственности «варваров», бытовавшие в китайской традиционной культуре, можно сказать, что в данном случае повествование в «Сюнну ле чжуань» Сыма Цяня и Бань Гу соответствует «историографическому этикету». Однако в тех же «Сюнну ле чжуань» можно встретить немало эпизодов, не касающихся военных событий. К примеру, у Бань Гу встречается два рассказа, касающихся наследования власти в государстве сюнну. Особое, на наш взгляд, значение имеет эпизод, в котором идёт речь о взаимном отказе от власти со стороны шаньюя Хулугу и его брата в пользу друг друга (сразу после смерти Цзюйди-хоу).ⁱ Данный эпизод предваряется словами «следует сказать», что свидетельствует о его определённом целевом назначении. Отказ от власти в китайской политической культуре воспринимался как деяние, совершавшееся в эпоху Яо, Шуня и Юя. Об этом пишет в частности Хань Фэй-цзы в своём трактатеⁱⁱ, и хотя данный мыслитель не оценивает поступок как проявление добродетели, во времена Сыма Цяня и Бань Гу считалось иначе: отказ от власти в пользу более достойного теоретически оценивался как благое деяние. Сыма Цянь не раз упоминал о случаях отказа от власти со стороны императора Шуня.ⁱⁱⁱ Отказ от власти был, таким образом, частью китайского политического этикета, и довольно интересно, что данную этикетную норму соблюдали лидеры сюнну. Забота о благополучии государства и в известной степени следование той же норме обнаруживается в споре двух жён шаньюя Хуханье о том, чьему сыну следует передать власть после смерти Хуханье.^{iv} Примечательно, что каждая из них предлагала передать власть сыну «соперницы», а не своему. Речь старшей яньчжи к тому же очень близка к высказываниям ханьских сановников о благе государства: «Если отстранить знатного и поставить шаньюем менее знатного, это непременно создаст смуту». Речь старшей яньчжи была, несомненно, выдуманной: Бань Гу или его информаторы не могли иметь сведений о спорах жён шаньюя. Соответствие слов старшей яньчжи (выдуманных Бань Гу) речам китайских сановников и опять же целевая заданность эпизода (присутствует выражение «следует сказать») говорит о том, что Бань Гу признавал возможным для сюнну следовать китайскому политическому этикету.

Вновь обратимся к описанию шаньюя Маодуня в «Записках историка». В самом начале Сыма Цянь привёл эпизод, в котором Маодунь устанавливал

дисциплину в своих войсках: Маодунь приказал изготовить стрелы минди и стал обучать своих конников стрельбе из луков, приказав: «Каждый, кто не выстрелит в направлении полёта свистящей стрелы, будет казнён». Маодунь отправился на охоту на диких птиц и зверей, всем, кто не стрелял туда, куда летели свистящие стрелы, отрубил головы. В конце концов Маодунь выпустил стрелу в своего отличного коня, и некоторые не осмелились выстрелить в него. Маодунь тут же казнил тех, кто не стал стрелять в коня. Ещё через некоторое время Маодунь выстрелил в свою любимую жену. Некоторые из его приближённых страшно испугались и не осмелились стрелять, Маодунь казнил их. Через какое-то время Маодунь поехал на охоту и послал свистящую стрелу в отличного скакуна, принадлежащего шаньюю, все его приближённые выстрелили по нему. Тогда Маодунь понял, что всех его приближённых можно использовать»¹⁸. Рассказ о методах, которыми действовал Маодунь, совпадает с рассказом о том, как генерал Сунь-цзы обучал наложниц военному делу¹⁹. Поскольку рассказ о Сунь-цзы уникален, то в данном случае можно вести речь о прямом уподоблении одного персонажа другому: оба были военачальниками, и в сходных ситуациях поступали одинаковым образом. В пользу того, что текстуальное совпадение рассказов не было вызвано простым событийным совпадением, говорит следующее. Известный историк-номадист Н.Н. Крадин, специально изучавший рассказ о воцарении Маодуня (у Н.Н. Крадина – Модэ), показал, что данный рассказ является скорее всего вымыслом. Его аргументация сводилась к следующему. Отец Маодуня, убитый в конце концов лучниками, обученными своим сыном, должен был знать о заговоре, который готовился против него, так как он готовился у всех на виду. Убить жену, принадлежащую к знатному сюннускому клану, было нельзя, избежав при этом кровной мести, а потому Маодунь вряд ли мог на это пойти. «Степной террор», устроенный Маодунем, также не был согласно обычаям того времени ненаказуемым деянием в степи (*однако вполне допускался в армии Китая, согласно трактату того же Сунь-цзы*). Не будучи даже шаньюем Маодунь за такие действия мог потерять и власть и голову. В качестве самого неправдоподобного момента Н.Н. Крадин указывает на убийство коня (своего и коня отца). По словам Н.Н. Крадина конь у номадов пользовался огромным восхищением, его можно было принести в жертву, но не убить. Застрелить же коня шаньюя означало нанести ему огромное оскорбление. Аргументация Н.Н. Крадина как специалиста по истории номадов представляется довольно полной и убедительной. В таком случае получается, что Сыма Цянь специально выдумал эту историю об обучении воинов Маодуня, дабы создать сходство в изложении биографий генерала Сунь-цзы и шаньюя. Как бы невероятно ни выглядело такое заключение, но оно имеет под собой основания. Обратим внимание также на оценку, высказанную в адрес Сунь-цзы его же словами: «Ван способен говорить правильные слова [о войске], но не может правильно их [солдат] использовать»²⁰. Здесь имеется в виду, что на это способен сам генерал. В таком же ключе следует трактовать и оценку действий

¹⁸ Сыма Цянь. Ши цзи. Гл.110 – URL:<http://www.wikipedia.org>

¹⁹ Сыма Цянь. Ши цзи. Гл.65 – URL:<http://www.wikipedia.org>

²⁰ Там же.

Маодуня: «Маодунь понял, что всех его приближённых можно использовать»²¹. Через одинаковое описание Сыма Цянь перенёс на шаньюя Маодуня оценку, высказанную в отношении генерала Сунь-цзы, который считался «образцовым» китайским военачальником.

В эпизоде, где повествуется о переговорах Маодуня с племенами дунху, также содержится немало интересного. Во-первых, обращает на себя внимание подробность изложения событий, связанных с войной между двумя степными племенами. Факт столкновения враждующих степняков был довольно заурядным с точки зрения китайского историка. Тем не менее, подробно описаны три посольства дунху, совещания в ставке шаньюя, противоречия его мнения и суждений приближённых. Такой рассказ сильно напоминает повествование о совещании во дворце китайского императора. Однако если речи императора и его советников чётко фиксировались, то записать слова шаньюя и заседавших в его ставке было невозможно. Тем более что между написанием «Записок историка» и данными событиями прошло около сотни лет. Можно заключить, что речи для шаньюя и его советников опять же были выдуманы историком. Уместно задать следующие вопросы: с какой целью Сыма Цянь ввёл этот рассказ в повествование и каков характер речей фигурировавших в нём персонажей? Для начала обратим внимание на то, что речи советников несут на себе явную литературную обработку и очень близки к речам китайских советников: «дунху не знают правил приличия» (*дунху фэй дао*), «конь пробегающий в день тысячу ли является сокровищем сюнну»²². Далее можно сказать о речах Маодуня – «разве можно жалеть для соседнего государства одного коня» – что в них он характеризуется как мудрый правитель, избегающий ненужных для государства войн. В то же время отказ от послан дунху отдать пограничную пустующую землю («Земля – основа государства. Землю нельзя отдавать!») говорит, что Сыма Цянь желал показать шаньюя как в то же время твёрдого правителя. Изображать в таком свете правителя «варваров», а также сравнивать его советников с ханьскими чиновниками представляется как явное нарушение «историографического этикета».

Стоит упомянуть также об эпизоде битвы в местности Байдэн войск шаньюя и императора Гао-цзу. Как мы уже упоминали, рассказы о военных столкновениях составляли основу повествования в «главах о народах», и притом были достаточно краткими. Данный же рассказ содержит даже детали хода военного сражения, планы действий шаньюя и императора, что для глав такого рода является большой редкостью. Причём сражение описано во всех деталях несмотря на то, что рассказывается о поражении ханьской стороны. Цель введения такого подробного рассказа заключалась, по нашему мнению в том, чтобы подчеркнуть талантливость шаньюя Маодуня как военного стратега. Императорские войска попали в расставленную им ловушку: «Ханьские войска погнались за Маодунем и внезапно напали на него. Маодунь скрылся и увёл войска, притворившись истощённым и бессильным, так что ханьские войска все

²¹ Сыма Цянь. Ши цзи. Гл. 110 – <http://URL:www.wikipedia.org>

²² «пробегающий тысячу ли» – метафора китайской литературы, встречающаяся, в частности, в «Хуайнаньцзы» (глава «Искусство владычествовать»): «...вступающий на колесницу не трудит ног, а пробегаёт тыячу ли»

погнались за ним, а тот отвёл в засаду свежих воинов, выставив вперёд ослабевших...»²³. Здесь стоит добавить также несколько слов об отношении к военным сюжетам в китайской литературе. Профессор Вашингтонского университета С.Н. Wang утверждал, что в литературной традиции Китая присутствует так называемый «пропуск битвы» (*ellipsis of the battle*). Сюжеты, связанные с битвами, не раскрываются, а на их наличие указывается с помощью специальных литературных метафор. По мнению автора, рассказывать о сражении было для литературы Поднебесной неприемлемым. В качестве аргумента С.Н. Wang приводил суждение Ли Бо, который со ссылкой на Лао-цзы указывал, что «мудрецы применяют оружие только при необходимости». Лао-цзы же утверждал, что «ритуал военной победы должен был быть таким же, как похоронный ритуал». На этом и некоторых других примерах автор и обосновывает невозможность прославления войны и описания военного сражения²⁴. В связи с этим подробное описание сражения Маодуня и императора Гао-цзу выглядит как ещё более уникальное явление, созданное для определённой цели. Как нам кажется очевидным, задача данного эпизода могла состоять только в указании на военный талант шаньюя Маодуня.

Наконец нужно сказать несколько слов в пользу того, что Сыма Цянь и Бань Гу могли выдумывать речи для персонажей своих «Записок историка» (по крайней мере в «главах о народах»). Мы уже упоминали об этом, когда говорили об эпизодах споров по поводу наследования престола в «Сюнну ле чжуань» Бань Гу или о военном совете у шаньюя Маодуня. По мнению Н.Н. Крадина выдуман также эпизод с отправкой посла к жене шаньюя в битве у Байдэна. Н.Н. Крадин справедливо замечает, что войти в шатёр к жене шаньюя без его разрешения было невозможно. Цель создания этого эпизода, по мнению исследователя, заключалась в том, чтобы скрыть бессилие императора²⁵. Можно добавить к этому, что слова яньчжи «захватив сейчас ханьские земли, вы, шаньюй, всё равно не сможете на них поселиться» являются примером типично китайского суждения о пригодности или непригодности земель для жизни²⁶. Говоря об этом, мы хотим подчеркнуть, что Сыма Цянь (равно как и Бань Гу) нередко пользовался приёмом создания речей, а по таким речам можно с большим основанием судить об отношении историка к персонажам его «Записок историка».

Подведём некоторые итоги. В ходе исследования глав – «Повествований о сюнну» в «Записках историка» и «Истории ранней Хань» нами было обнаружено достаточно много «китаизмов» – оценок, ситуаций и поступков, речей, подходящих только для представителей ханьского мира. Данные моменты, несомненно, являются нарушением «этикета» повествования о варварах. Причины подобного явления ещё предстоит выяснить, однако, на наш взгляд, главная из них состоит в принципах построения биографии, заложенных Сыма Цянем. О несхематичности (отказе от упоминания только хороших или только плохих черт личности) писали многие исследователи Сыма Цяня, в частности

²³ Сыма Цянь. Ши цзи. Гл.110 – URL:<http://www.wikipedia.org>

²⁴ Wang C. H.. Towards defining a Chinese heroism. 1975. P. 25 – 35.

²⁵ Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2001. С. 50.

²⁶ По вопросу о ханьских представлений по поводу различия земель Срединной империи и «варваров» подробно см. Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о вселенной// Народы Азии и Африки. 1978. N 6.

М.В. Крюков²⁷. Такой принцип как раз проявился в «Повествованиях о сюнну» Сыма Цяня и Бань Гу и стал одной из основных причин проявления в них нарушений «историографического этикета». Кроме того в качестве причин этого можно отметить концептуальную позицию Сыма Цяня по отношению к «северным варварам». Она проявилась, на наш взгляд, в речи Чжунхан Юэ – ханьского сановника, перешедшего на сторону Лаошан-шаньюя, наследника Маодуня. В «Сюнну ле чжуань» Сыма Цяня приведена дискуссия Чжунхан Юэ с китайским послом, предметом которой было наличие или отсутствие правил поведения в обществе сюнну. Речи посланника и Чжунхан Юэ расположены так, что мнение второго признается Сыма Цянем как верное (его слова поставлены в конец и таким образом приравниваются к авторским). В словах Чжунхан Юэ опровергается такое мнение, что в среде сюнну отсутствует забота младших о старших – «... поскольку старые и слабые не в состоянии сражаться, они отдают крепким и здоровым лучшие пищу и питьё, этим как бы защищая себя. Таким путём отцы и сыновья получают возможность долгое время оберегать друг друга. Как же можно говорить, что сюнну с пренебрежением относятся к старым людям?»²⁸ Также Чжунхан Юэ говорит о простоте законов сюнну – «их законы и установления просты и легко осуществимы. Отношения между правителем и подданным просты... действительно, кому нужны громкая болтовня и шушукание, да и чиновничьи шапки!»²⁹ В словах сановника излагается, несомненно, взгляд самого Сыма Цяня на идеальное правление³⁰, который базировался на даосских и конфуцианских идеях. Что касается заботы младших и старших друг о друге, то это уже чисто конфуцианская позиция, с точки зрения которой общественное устройство сюнну возводится в идеал. Как мы считаем, эти взгляды Сыма Цяня, выраженные в речи Чжунхан Юэ, являлись частью его концептуальной позиции по отношению к «северным варварам». Вероятно, взгляды Бань Гу во многом формировались под влиянием мнения его предшественника – Сыма Цяня.

²⁷ Крюков М.В. Сыма Цянь и его «Исторические записки» // Сыма Цянь. Исторические записки («Ши Цзи»). Т. I. М., 1972. С. 62.

²⁸ Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Пер. Р.В. Вяткина. В 9 тт. Т. 8. М., 2002. С. 336.

²⁹ Там же. С. 337

³⁰ О политических взглядах Сыма Цяня см. Crawford R. The Social and Political Philosophy of the Shih-chi. JAOS, vol.22, no.4, 1963. P.407 – 416.